

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

64

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

Б. А. ЛАТЫНИН

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ ДРЕВНЕЙ ФЕРГАНЫ

Мотыжное земледелие на суходолах, возникавшее из собирательства в ряде районов южной зоны еще в неолите и энеолите, по своей трудоемкости и вместе с тем низкой производительности не могло стать ведущей формой хозяйства. Сочетаясь с ранними формами пастушеского скотоводства и сохранявшими еще большое значение собирательством, охотой, а при благоприятных условиях и рыболовством, мотыжное земледелие не определяло само по себе резкого перелома в росте производительных сил первобытного общества. Толчок к дальнейшему и более ускоренному их развитию был дан лишь переходом к орошаемому земледелию, которое, даже в самых простейших, начальных его формах, резко увеличивая в условиях жаркого, сухого климата урожайность, значительно повышало производительность общественного труда.

Превратив впервые земледелие в основную и весьма продуктивную отрасль хозяйства, орошаемое земледелие создало устойчивую и достаточно широкую экономическую базу для того особенно интенсивного и ускоренного процесса развития общества, который еще в IV тысячелетии привел к образованию первых цивилизаций древнего Востока, с их классовым уже, рабовладельческим строем, городами-государствами и письменностью.

Возникнув несколько позднее и в менее благоприятных природных и исторических условиях, орошаемое земледелие в Средней Азии не привело к столь же значительным последствиям в экономическом и социальном развитии общества, однако именно оно в основном определяло и здесь дальнейшие пути и особенности этого развития. Поэтому проблема ирригации является ключевой и важнейшей темой в изучении истории земледельческих культур не только древнего Востока, но и Средней Азии. Без установления конкретных особенностей и последовательности изменения способов орошения в связи с изменениями в уровне развития производительных сил, характере производственных отношений и строе того общества, которое их создавало, эта история не может быть правильно понята и интерпретирована. Археологические материалы при изучении истории ирригации имеют особенно большое значение.

В связи с изучением проблемы возникновения орошаемого земледелия на древнем Востоке и в Средней Азии встает вопрос об исследовании культур, характеризующихся архаической расписной керамикой. Рассматривать эти две темы, вероятно, связанные между собой и требующие самого пристального и углубленного внимания археологов, следует параллельно.

Такое понимание основного направления археологических работ в Средней Азии и определило задачи Ферганской экспедиции ГАИМК и

Государственного Эрмитажа. Некоторые результаты исследований обобщаются в настоящей статье.

При широко развернувшихся уже в годы первых пятилеток проектировании и строительстве в области водного хозяйства в вопросах истории ирригации оказались заинтересованными также и некоторые гидротехнические организации. В содружестве с ними и с учетом их запросов, при постоянном содействии научных организаций Узбекистана, осуществлялись в 1930, 1933 и 1934 гг. наши археологические исследования в Ферганской долине.

Поскольку археологические источники при изучении истории орошения Ферганы в таком направлении почти не привлекались, пришлось начинать с уточнения конкретной тематики исследований и методики их проведения. Работа осложнялась еще тем, что ранние, обычно называвшиеся тогда одним общим термином «домусульманские», периоды истории Средней Азии были изучены весьма недостаточно.

В результате начатых экспедицией работ в таком мало еще известном в археологическом отношении районе, как Фергана, в котором со времени разведочной поездки туда в 1885 г. Н. И. Веселовского исследований почти не производилось, был получен не только довольно большой фактический материал, но на основе его наметились уже и некоторые обобщения и выводы.

В отчете о работах 1933 г., кроме описания обследованных археологических памятников восточной части Ферганской долины, был выделен и систематизирован ряд керамических комплексов, которые послужили материалом, определяющим археологическую культурную и относительно-хронологическую принадлежность этих памятников. Затем были намечены основные этапы археологической периодизации древней земледельческой Ферганы¹. Тогда же была сделана попытка обобщить отдельные наблюдения, относившиеся непосредственно к проблеме истории ирригации².

Основные положения этих предварительных, наметившихся на основе работ 1930 и 1933 гг., выводов и заключений получили известное распространение и были приняты как отправные в некоторых дальнейших исследованиях. Эти положения нашли подтверждение в работах экспедиции 1934 г., позволивших расширить и углубить археологическое изучение Ферганской долины. Они выдержали в основном и проверку практикой археологических исследований, проводившихся здесь в последующее время. Дополненная и уточненная новыми материалами археологическая периодизация может быть намечена теперь более уверенно и определенно и явится основой для дальнейшей работы по проблеме истории ирригации Ферганы.

Схематически археологическую периодизацию можно представить таблицей, в которой отражены три этапа развития земледельческих культур древней Ферганы. В соответствующих графах (см. таблицу) указаны предлагаемые определения общественного строя, датировки и условные шифровые обозначения с возможным подразделением первых двух этапов (Фергана I и II) на более ранние, средние и поздние периоды. Как примеры в таблице указаны некоторые археологические памятники, а также керамические комплексы, характеризующие принадлежность памятника к тому или иному этапу периодизации.

Последовательность этих этапов и относительная хронология периодизации обоснованы объективными данными стратиграфических наблюдений. Даты же абсолютной хронологии пока остаются еще лишь приблизительными.

¹ Изв. ГАИМК, вып. 110, стр. 142, 157.

² Б. А. Л а т ы н и н. К вопросу об истории ирригации. Сб. «Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, стр. 697—708.

Схема археологической периодизации земледельческих культур Древней Ферганы

Общественный строй	Этапы периодизации (археологические культуры)	Наимечасное хронологическое подразделение этапов — периоды	Шифры	Даты	Некоторые характерные памятники	Характерные признаки ведущих типов керамики
Ранний феодализм	Фергана III	На основе археологических материалов пока не устанавливаются	ФIII	V—VIII вв. н. э.	Первое городище в Кизыл-яре, верхние постройки Кала-иболо, бескурганные могильники Исфары, 2-й домусульманский слой Мунчак-тепе у Беговата, верхние слои Кюль-тепе	Изготовление на ножном гончарном круге, тусклый, сургучно-красный (реже черный) ангоб, отсутствие орнамента. Неангобированные кувшины с мелким рифлением в верхних частях. Ручки — дужкой. Плоское дно, иногда с дисковым поддоном
Патриархально-рабовладельческий	Фергана II	Поздний	ФII/3	II—IV вв. н. э.	Верхний слой тепе у Кугая, 1-й домусульманский слой Мунчак-тепе	Изготовление на ручном круге. Блестящий, иногда лощенный, густой оранжево-красный (реже черный) прочный ангоб и прочерченный по нему своеобразный геометрический орнамент — системы треугольников и одиночных спиралей. Дно широкое, плоское, не совсем ровное. Намечается возможность типологического разделения по периодам
		Средний	ФII/2	I в. до н. э.—I в. н. э.	Курганный могильник Исфары, Бузульмас и малые тепе в его зоне(?)	
		Ранний	ФII/1	III—II вв. до н. э.	Памятники с красноангобированной ранней керамикой, подобной смешанным комплексам 8—9-го участков Большого Ферганского канала	
Первобытно-общинный	Фергана I	Поздний („бургулюкский“)	ФI/3	IV—III вв. до н. э.	Смешанные комплексы с лепной, не окрашенной керамикой 8—9-го участков Большого Ферганского канала	Архаическая лепная керамика, иногда на матерчатой болванке, круглодонная или с уплощенным дном, иногда и плоскодонная. Для более ранних периодов обычны лощеные, красочная облицовка (для ФI/1 — темнокрасная, густая, для ФI/2 — жидкая, лиловато-красная) и черная или буровато-красная геометрическая роспись
		Средний („эйлатанский“)	ФI/2	VII—IV вв. до н. э.	Нижний слой Эйлатана и нижний слой тепе у Кугая, могильник Актам	
		Ранний („чустский“)	ФI/1	II тысячелетие — VIII в. до н. э. (эпоха бронзы)	Чустское и Дальверзинское поселения	

Анализируя на основе наметившейся периодизации археологические материалы по древней Фергане, оказалось возможным проследить:

во-первых, известную закономерность и хронологическую последовательность в преимущественном распределении земледельческих поселений разных исторических эпох по различным физико-географическим зонам долины: ранних, относящихся к I этапу периодизации, — в заболочивавшихся низинах и по их окраинам, поселений II этапа — в засушливых предгорных степях и еще более поздних, III этапа, — в промежуточной между этими двумя зонами равнинной части;

во-вторых, обусловленную связь такого расположения памятников с изменением ареалов орошаемых земель и изменением способов ирригации;

в-третьих, известную хронологическую последовательность в изменении способов орошения и в хозяйственном освоении поливных земель, а также некоторую общественно-историческую закономерность изменения их ареала в ту или иную эпоху.

В прямой и устанавливаемой фактически связи этих явлений с возникновением и дальнейшим развитием ирригации, с одной стороны, и развитием общества, — с другой, становится возможным подойти к ним не как к отдельным, разобобщенным фактам, вне общих их связей и зависимости, но в процессе их исторического развития, и в какой-то доступной сейчас мере пытаться также вскрыть причинную их обусловленность.

Наметившиеся на такой основе ступени общей схемы истории ирригации Ферганы выражают не только рост техники орошения, но и главные этапы хозяйственного и общественного развития в целом.

Кратко изложить эту схему, как выражение некоторых обобщений и выводов, можно следующим образом:

I ступень. Возникновение небольших «оазисов» древнейшего лиманного и каирного орошения в заболоченных речных поймах, в низовьях затухавших на плоскости долины малых горных рек и перемежающихся потоков (саев). Для земледелия использовались участки, естественно орошавшиеся разливами таких потоков — только применяясь к их сезонности и границам, или как-то уже регулируя и направляя их. Возможно, что несколько позднее, для расширения зоны орошаемых земель такого «оазиса» узкой полосой вверх по течению потока, иногда возникала и небольшая сеть древнейших, собственно оросительных каналов (рис. 4 — 1; рис. 5 — 1, 3, 5)¹.

Базируясь на использовании для земледелия естественно орошавшихся участков, эта характерная для I этапа периодизации ступень развития ирригации соответствовала возможностям техники и организации общественного труда первобытно-общинного строя. Для материальной культуры памятников этого периода характерна ферганская архаическая крашенная керамика.

II ступень. Небольшие, но многочисленные оросительные системы с искусственным водосбором на склонах предгорий, направлявшие перемежающиеся речки и потоки для сезонного полива высоко расположенных степей. Применение искусственного орошения даже в таких относительно простых формах, не требовавших еще сложных земляных работ, уже значительно расширяло первоначальный ареал поливных земель, присоединив к заболочивавшимся низинам зону предгорных, засушливых степей; оно соответствовало дальнейшему росту производительных сил общества (на II этапе по периодизации) и стало возможным в условиях сложения патриархально-рабовладельческих отношений, которые в древней Фергане, однако,

---

¹ На рисунках условно показаны схемы расположения зон древнейшего естественно орошаемого земледелия и переходы к ранним системам искусственного орошения в условиях предгорного и равнинного ландшафтов Средней Азии.

не получили, видимо, своего специфического и значительного развития (рис. 4—2; рис. 5—2).

III ступень. Большие веерные оросительные системы и отдельные магистральные каналы, выводимые из полноводных рек, позволившие освоить для постоянного орошения новые обширные и плодородные зоны равнинных частей Ферганской долины. Возможно, что некоторые из этих систем, следуя руслам прежних естественных паводковых водостоков, в первоначальном своем виде начали возникать еще и в конце II этапа. Но развитие свое, охватывая всю периферию конусов выноса таких рек, как Сох, Исфара и т. п., они получили лишь на III этапе, продолжая существовать

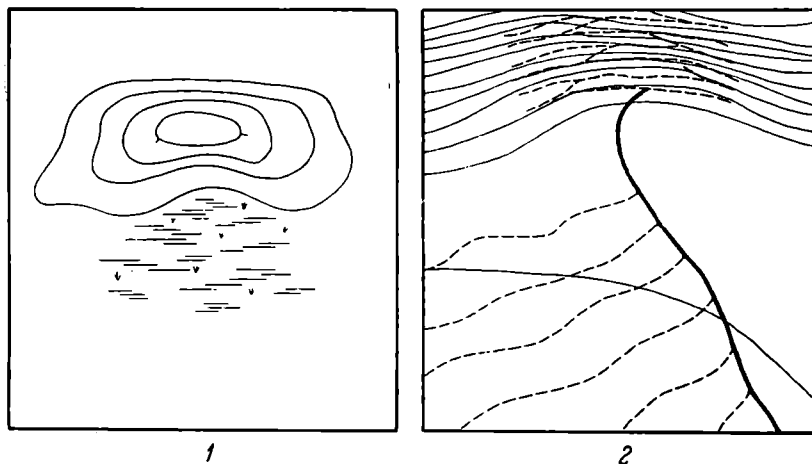

Рис. 4. Схемы расположения зон древнейшего орошаемого земледелия.

1 — естественно орошаемый участок у подошвы холма (предгорная полоса Южной Туркмении) — древнейший «лиманный прототип» развития ирригации (по Букиничу); 2 — водосборная сеть на склонах адыров, задерживавшая и направлявшая талые воды в канал для орошения высоко расположенной предгорной Кизыл-ярской степи. Схема на рис. 4—1 характерна для I ступени возникновения и развития ирригации, схема на рис. 4—2 для II ступени.

без особых изменений и в эпоху мусульманского средневековья. Возникновение этих систем было в прямой зависимости от дальнейшего роста техники, в частности, от появления в эту эпоху специализированных железных землекопных орудий (кетменя), от общего роста производительных сил и такого характера производственных отношений, который в эпоху раннего феодализма в древней Фергане позволял сосредоточивать на тяжелых и длительных ирригационных работах организованный и постоянный труд значительного количества людей (рис. 5—4, 6, 7).

Для установления времени, условий возникновения и истории дальнейшего развития веерных оросительных систем и больших магистральных каналов древней Ферганы исключительно важно археологическое изучение связанных с ними холмов-тепе, подобных Сар-кургану на Сохе, Шош-тепе на Шарихан- и Андижан-сае (Кара-Дарье) и Кала-и-боло в Исфаринской долине.

Располагаясь непосредственно над верхним распределительным узлом оросительной системы, там, где берут начало большой магистральный канал или десятки каналов, веера, эти тепа являются остатками тех укрепленных «замков», которые охраняли в самом уязвимом месте и одновременно контролировали оросительную систему и весь охватываемый ею обширный район поливных земель. Тот, кто владел таким «замком», владел и водой и, следовательно, не только охранял этот район, но безраздельно господствовал над всем районом.

Такие «замки» были неразрывно и органически связаны с блокируемыми ими ирригационными системами. Последовательно отложившиеся

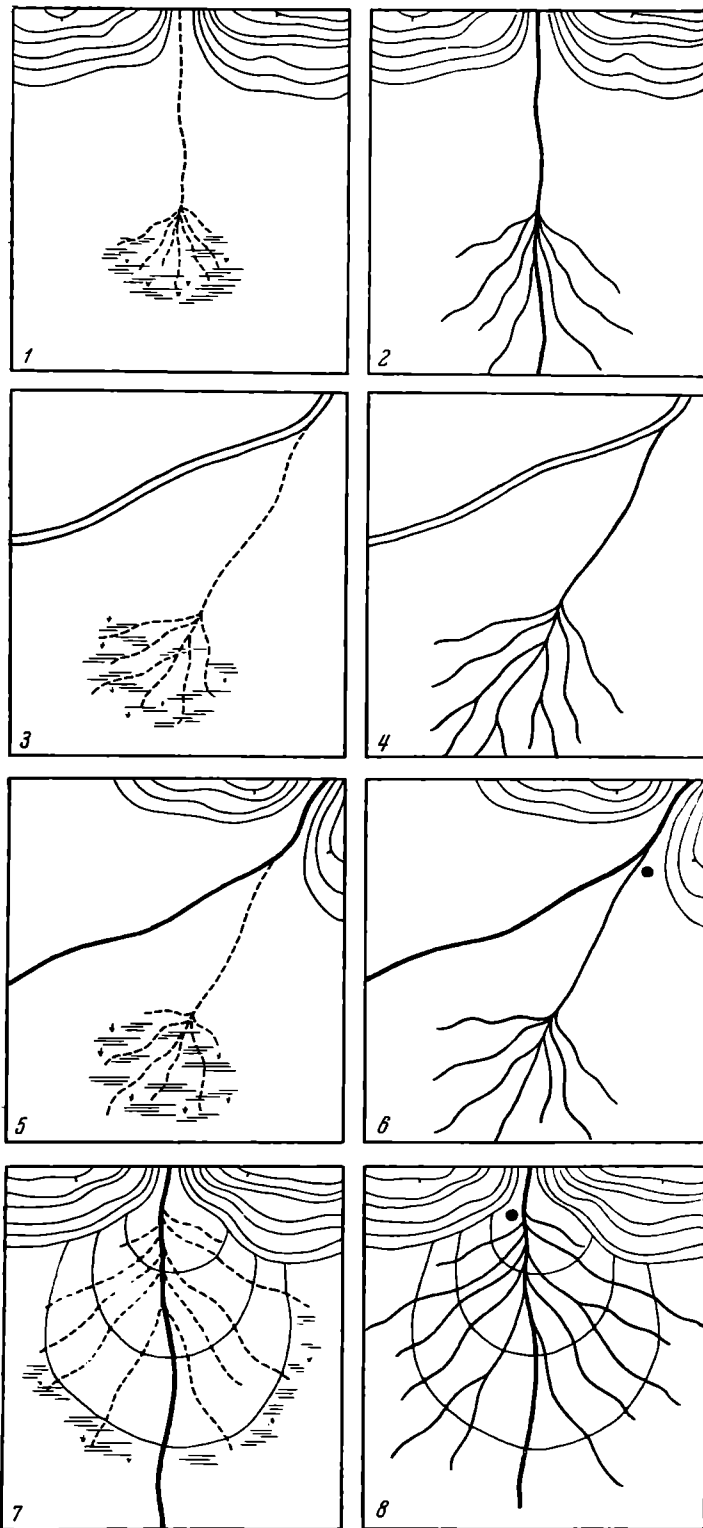

Рис. 5. Схемы расположения зон древнейшего орошаемого земледелия.

1 — лиманный разлив в низовьях затухающего при выходе на плоскость горного ручья или саевого потока; 2 — постепенное превращение лиманного разлива в небольшую древнейшую искусственную оросительную систему путем очистки русла и выведения боковых каналов; 3 — лиманный разлив в низовьях затухающего рукава дельты равнинной реки; 4 — превращение лиманного разлива в искусственную оросительную систему очистки его русла и выведением сети боковых каналов; 5 — лиманный разлив паводкового сбросового потока горной реки при выходе на плоскость; 6 — последующее превращение лиманного разлива путем очистки и устройства головного заборного сооружения в магистральный канал с веерной оросительной сетью (черной точкой на схемах 6 и 8 обозначено укрепление, блокировавшее оросительную систему); 7 — дельта паводковых сбросовых потоков, расходящихся по косяку выноса при выходе горной реки в долину; 8 — превращение дельты в типичную для Ферганы большую веерную оросительную систему в результате очистки проходов и выведения боковых каналов. (Схемы на рис. 5 — 1, 3 и 5 и, возможно, на рис. 5 — 7 характерны для I ступени возникновения и развития ирригации, схемы на рис. 5 — 2, 4 и 6 — для II ступени, схемы на рис. 5 — 4 и 6 в развитии их виде и на рис. 5 — 8 — для III ступени).

культурные напластования подобных холмов-тепе — это страницы истории оросительной системы и орошаемой области. Археологическое изучение этих тепе может дать ответы на ряд вопросов, связанных с переходом к более сложным и эффективным способам орошения и освоению новых земель долины древней Ферганы¹.

Совершенно особое значение изучение таких тепе может иметь также для выяснения вопроса о владении источником воды в условиях появления феодальной собственности на землю в районах поливного земледелия Средней Азии.

Более позднее возникновение в Фергане больших и сложных оросительных систем, чем в древнем Согде, Кафирнигане, Маргиане и Хорезме, где их сооружение исследователи склонны относить еще к середине и 1-й половине I тысячелетия до н. э., связывая возможность их появления с формированием в этих областях Средней Азии рабовладельческого строя, является особенностью истории ирригации Ферганы, закономерно связанной с ее природными и общественно-историческими условиями.

Известные аналогии намеченному в таких чертах процессу возникновения и развития орошаемого земледелия в древней Фергане прослеживаются и в некоторых других районах Средней Азии, например, в низовьях Аму-Дарьи, в Южной Туркмении и на Зеравшане.

Работами С. П. Толстова и Я. Г. Гулямова выяснено, что в древнем Хорезме поливное земледелие также возникло еще при первобытно-общинном строе как лиманное и каирное на естественно орошавшихся участках². В районах низовьев Аму-Дарьи, где огромный поток несет свои воды по плоской аллювиальной равнине, использовались разливы затухавших боковых протоков дельты. Однако по существу тип орошения там был не только аналогичным, но и почти тождественным типам древнейшего лиманного орошения в разливах низовий горных речек и перемежающихся саевых потоков, затухавших на плоскости Ферганской долины.

Хотя фактических наблюдений сделано еще не вполне достаточно, но можно проследить, что и в древней Фергане, и в Хорезме дальнейшее расширение первоначальной зоны естественно орошавшихся земель достигается благодаря переходу к искусственному орошению путем выведения все выше по течению потоков небольшой сети оросительных каналов.

Характерное для предгорий Ферганской долины последующее освоение для поливного земледелия высоко расположенных степных участков путем устройства небольших ирригационных систем, питаемых из саевых водных источников, в условиях низовий Аму-Дарьи не мог иметь места. Переход же к созданию больших магистральных каналов (в Фергане, возможно, и несколько позже, и в несколько иных общественных условиях, чем в Хорезме) совершался аналогичным путем. Превращение заилявшихся протоков дельты Аму-Дарьи, в результате постоянной очистки их, в оросительные каналы со все более сложными и усовершенствованными

---

¹ Значение тепе, расположенных под головными узлами оросительных систем, обратило на себя внимание еще при обследовании Ферганской экспедицией в 1930 г. Саркургана на Сохе. Обследование Шош-тепе на Кара-Дарье и развалин замка Кала-и-боло в Исфаринской долине подтвердило сделанные ранее наблюдения. В последующие годы связи тепе с оросительными системами были отмечены и в ряде других районов Средней Азии. См. Д. Д. Букин и ч. Каналы древнего Термеза. Труды Академии наук Узб. ССР, т. II, сер. 1, Ташкент, 1945, стр. 194; В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 г. КСИИМК, XIV, 1947, стр. 108, 109; С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 122; Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина. Труды Института истории и археологии Академии наук Узб. ССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 103; его же. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Автореферат докторской диссертации. Ташкент, 1949, стр. 16.

² Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 9 и сл.

головными сооружениями, изменение их профиля и протяжения, а потом и искусственное выведение магистральных каналов из Аму-Дарьи или ее рукавов, имели, конечно, свои особенности. Но все же последовательность смены приемов орошения и формы их почти повторяются и в древней Фергане, и в древнем Хорезме. В частности, использование и постепенное превращение в магистральные оросительные каналы боковых протоков дельты равнинных рек (Хорезм) и отходивших в сторону от основного тальвега или растекавшихся веером по конусу выноса сбросовых протоков при выходе на плоскость горных рек и саев (Фергана) — едва ли не было действительной, казавшейся загадочной причиной точности выбора направления их трассы. Точность эта обуславливалась, видимо, не пресловутым «нивелированием на палец ноги» и т. п., а следованием такого канала направлению русла первоначального естественного протока.

Одним из первых исследователей, правильно оценившим возможность широкого использования археологических материалов в изучении проблем истории орошения и применившим это на практике, был, как известно, Д. Д. Букинич¹. Инженер-ирригатор и энтузиаст краевед-археолог, он еще в начале 20-х годов пришел к весьма интересным выводам о возникновении и развитии поливного земледелия в Южной Туркмении. Выводы его были сделаны на основе многолетних этнографических наблюдений над пережиточно сохранявшимися еще кое-где у туркмен архаическими формами естественного лиманного орошения и на изучении особенностей расположения мест древних поселений анауской культуры в предгорной полосе Копет-дага и Сюрен-дага.

Судя по наблюдениям Д. Д. Букинича, в Южной Туркмении, где природные условия во многом схожи с ферганскими, способы ирригации, основанной на использовании сбегавших с гор на равнину небольших водных потоков, и процесс развития орошаемого земледелия аналогичны существовавшим в древней Фергане. Аналогии эти, пожалуй, более близкие, чем можно найти в хозяйстве Хорезма.

Как древнейший «лиманный прототип» поливного земледелия в Южной Туркмении, Д. Д. Букинич выделяет небольшие изолированные участки посевов у подошвы мергелистых холмов предгорий, естественно орошаемые периодическими разливами сбегавших с них талых и дождевых вод.

Такое лиманное поливное земледелие возникало затем и в разливах низовий затухавших на плоскости перемежающихся (силевых) потоков, ручьев и паводковых сбросов по окраинам дельт более значительных рек, где эти разливы несколько уже и регулировались обвалованием.

Следующим этапом было расширение зоны поливного земледелия вверх по течению перемежающихся горных потоков и речек. Для отвода воды на новые, более высокие участки использовались боковые паводковые протоки, растекавшиеся по слегка покатым склонам конусов выноса. Как и в Фергане, происходило постепенное превращение таких протоков в каналы небольших систем древнейшего искусственного орошения, которые и охватывали первоначально прилегающие участки только ниже вершины дельты силевого потока или речки.

Из небольших предгорных районов естественного лиманного и древнейшего искусственного орошения поливное земледелие распространилось потом в долины среднего течения более значительных и полноводных рек, таких, как Мургаб и Теджен, где оно стало возможным лишь с выведением больших магистральных каналов, сооружение которых Д. Д. Букинич относит к значительно более позднему времени.

---

¹ Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Туркменской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Журнал «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, стр. 108—113 и сл.

Обобщающих наблюдений над развитием ирригации на Зеравшане еще не сделано. Однако если расположить в хронологическом порядке и сопоставить отдельные, оставшиеся изолированными факты, касающиеся истории орошения, то удастся проследить еще более близкие аналогии, чем те, которые отмечались при изучении соответствующих материалов древнего Хорезма и Южной Туркмении.

Ранние формы естественного лиманного орошения прослежены Я. Г. Гулямовым в разливах затухающих протоков дельты Зеравшана. Как и в дельте Аму-Дарьи, эти формы относятся к культурам эпохи поздней бронзы, началу века железа, к заключительному периоду первобытно-общинного строя¹. Обнаруженные тем же исследователем в низовьях Зеравшана погребения, относящиеся к более раннему времени, могут служить указанием на возникновение в этой зоне древнейшего орошаемого земледелия, как это устанавливается и для Ферганы, и для Южной Туркмении, еще в предшествующую, более раннюю эпоху бронзы.

Изменение ареала поливных земель, в связи с переходом от ранних форм естественного лиманного орошения к созданию древнейших искусственных оросительных каналов, проходило в низовьях Зеравшана примерно так же, как и в низовьях Аму-Дарьи. В среднем же течении Зеравшана, в окаймленной горами долине, были созданы небольшие ирригационные системы, аналогичные появившимся в предгорных степях Ферганы на II ступени развития ее ирригации.

Отмечая большое распространение таких систем на Зеравшане, А. Ю. Якубовский в своей последней, напечатанной уже посмертно, работе по Пянджикенту, пришел к выводу, что более легкая, но менее производительная форма саевого орошения, как правило, предшествовала орошению посредством каналов, выводимых из больших рек². По его мнению, магистральные каналы системы, питающей Самаркандский оазис, выведены из Зеравшана у Варагсара «или в античности, но не позже II в. н. э. или — во 2-й половине VI в.—начале VII в.», т. е. в эпоху феодализма.

Этим А. Ю. Якубовский подтвердил наличие в хозяйстве древнего Согда тех же трех ступеней развития ирригации и в той же их последовательности и хронологической датировке, что и в Фергане. Причина подобного сходства лежала в очень близких природных и общественно-исторических условиях развития обоих районов.

Приведенные параллели и аналогии позволяют не только с большей уверенностью отнести к намеченному в таких чертах процессу возникновения и дальнейшего развития ирригации в Ферганской долине, но в какой-то мере рассматривать его как одно из конкретных выражений закономерностей, общих для Средней Азии, а, может быть, и всего древнего Востока в целом.

Изменение ареалов орошаемых земель, поражая любого наблюдателя, легло в основу столь же распространенных, сколько неверных представлений о каком-то катастрофическом сужении орошаемых зон в Средней Азии или в связи с климатическими изменениями, или в результате монгольского нашествия в XIII в. Однако ознакомление с археологическими памятниками древнейшей Ферганы показывает, что для ранних периодов решение этого вопроса следует искать в иной плоскости.

Можно с несомненностью установить, во-первых, что с изменениями ареалов орошаемых в различные эпохи земель общая площадь их не уменьшилась, а прогрессивно увеличивалась; во-вторых, что некоторые ранее орошавшиеся и густо заселенные земледельческие районы были оставлены и уже не орошались до новейшего времени не в XIII в., а значительно

¹ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 12.

² А. Ю. Якубовский. Вопросы изучения пянджикентской живописи. Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, стр. 14.

раньше — еще на II этапе или, местами, на III этапе намечаемой периодизации, т. е. по меньшей мере за 800 или 500 лет до монгольского нашествия.

Вместе с тем так же несомненно устанавливается, что в зонах веерного орошения, интенсивно развивавшегося на протяжении III этапа и всего последующего, уже мусульманского периода средневековья, вплоть до современности, следов сокращения сети каналов и зоны орошаемых земель ни в связи с арабским (в VIII в.), ни с монгольским (в XIII в.) завоеваниями Ферганы не прослеживается. Если события VIII и XIII вв. и сказывались как-то на оросительных системах, то, очевидно, лишь временно и не изменяя их коренным образом.

Если можно говорить о каком-то переломе в развитии ирригации древней Ферганы, то это будет не катастрофическое сокращение, а, наоборот, резкое увеличение поливных площадей на основе перехода к более совершенным способам орошения и роста оросительной сети. Перелом этот происходит на III этапе периодизации, в IV—VIII вв. н. э., когда со сменой рабовладельческого строя раннефеодальными отношениями создаются (или интенсивно развиваются) большие веерные оросительные системы и отдельные магистральные каналы и осваиваются новые обширные зоны, а многие из использовавшихся ранее, более высоко расположенных, менее удобных и хуже орошаемых земель забрасываются.

В порядке гипотезы можно высказать предположение о прямой связи резкого подъема в ирригационном хозяйстве в IV—VIII вв. с тем, что в предыдущем периоде рабовладельческий строй в тех его формах, в которых он существовал в древней Фергане, не получил здесь большого развития. Он не привел в ней к созданию крупных городов, концентрации в них значительного количества рабов. Не было на II этапе намечаемой периодизации и объединения в одно политическое целое обширных территорий.

Таким образом, условий, необходимых для осуществления работ над большими и сложными ирригационными сооружениями, до IV в. н. э. создано не было. Они появляются в древней Фергане позже, на III этапе, с переходом к феодальным отношениям, когда массовый подневольный труд общинников-земледельцев был направлен на выполнение крупных ирригационно-строительных мероприятий.

Феодальные формы организации общественного производства и производственных отношений в Фергане сохранялись в основном и позже, в эпоху мусульманского средневековья, когда без особых, видимо, изменений использовались те же земли и те же системы орошения, которые были созданы и освоены еще на III этапе, в эпоху, предшествующую арабскому завоеванию.

Изменения приемов и систем орошения и значительные изменения ареалов земель поливного земледелия происходили в Ферганской долине неоднократно. Действительные причины этого, однако, лежат не в переселениях племен и народов, не в войнах и нашествиях завоевателей и т. п., а гораздо глубже, и закономерно отражая прежде всего процесс внутреннего развития общества.

Опыт археологического изучения древней Ферганы, не ограниченного только формальным анализом памятников материальной культуры, но направленного на выявление действительно существовавших неразрывных связей этих памятников с историей ирригации позволяет проследить этапы ее развития. Оно шло от простейшего использования участков, которые обводнялись естественно, к созданию искусственного орошения все более сложными, но и более эффективными приемами, позволявшими увеличивать ареал поливных земель и доступными лишь на определенных этапах общего развития данного общества.

Расположение в Ферганской долине древних земледельческих поселений определялось возможностью орошения того или иного района. Эта возможность, однако, не была величиной постоянной и зависела не только от природных условий — рельефа местности, водных ресурсов, почвы и т. п., но и прежде всего от уровня развития производительных сил общества, от уровня техники, характера производственных отношений и строя.

Способы ирригации, ее размеры и возможности также не являлись ни чем-то неизменным, ни случайным или зависящим только от природных условий. Люди целесообразно меняли эти условия; изменялись и совершенствовались и способы ирригации, но не как-то самостоятельно, оторванно от всего хода развития культуры, а в теснейшей связи с этим процессом.

Такое археологическое изучение не только позволяет судить о том, что на протяжении тысячелетий техника ирригации прогрессировала, а площади поливных земель расширялись, но вскрывает и зависимость этих изменений от состояния производительных сил, характера производственных отношений и структуры общества, создавшего и использовавшего тот или иной тип ирригационной системы. Становясь доступными и необходимыми или уже устарелыми и отжившими способы и приемы ирригации отвечали той или иной определенной ступени общества.

В постоянно нарушавшемся и вновь устанавливавшемся соответствии производительных сил и производственных отношений развитие ирригации и базировавшегося на ее основе поливного земледелия имело в условиях древней Ферганы ведущее значение.

Как особую тему, представляющую некоторый общий интерес для дальнейшего изучения истории ирригации, можно выделить вопрос о самой методике исследований.

Остатки древних оросительных каналов или отдельные упоминания о них в письменных источниках известны для различных районов Средней Азии давно. Однако вне связи с природными условиями местности, гидрологическими и геоморфологическими особенностями и рельефом, вне связи с определенной исторической эпохой, такие указания обычно оставались изолированными и не могли быть поняты и применены как достаточно полноценные источники для изучения истории орошения.

Этих примеров можно было бы привести много не только в исследованиях прежних лет, но и в очень недавних. Причина была не только в недооценке проблемы орошения. Основным затруднением в изучении истории ирригации скорее было отсутствие навыков и приемов или, говоря точнее, методики использования для решения многих проблем археологических материалов, широкое привлечение которых необходимо при историческом подходе к изучаемой теме.

Ферганская экспедиция, ставившая основной своей целью изучение проблем истории орошения, не ограничивалась поисками и обследованием древних ирригационных сооружений.

Особое значение придавалось установлению условий расположения, характера и времени существования древних земледельческих поселений, материалы которых позволяют проследить изменения ареалов поливных земель, выявить особенности способов орошения и, опираясь на полученные данные, поставить вопрос о причинах и общественно-исторической обусловленности их изменения.

Конечно, еще нельзя сказать, что методика изучения археологических памятников Средней Азии, направленная на выяснение вопросов истории поливного земледелия, сложившаяся в ходе наших исследований в Фергане, уже вполне совершенна и универсальна, что она всегда позволяет правильно поставить и решать все проблемы истории ирригации и т. п. Разумеется,

это лишь начало новой работы, — далеко не легкое, но оправдывающее себя и давшее уже некоторые положительные результаты.

Эта методика позволяет систематизировать и в какой-то мере исторически понять некоторые, хотя и сделавшиеся известными, но оставшиеся изолированными наблюдения по истории ирригации на Нижнем и Среднем Зеравшане, в древнем Согде и наметить основные ступени возникновения и последующего развития орошаемого земледелия в древней Фергане. Д. Д. Букинич, применяя такую же методику еще в 20-х годах сделал это для Южной Туркмении, а С. П. Толстов и Я. Г. Гулямов смогли установить историческую последовательность нескольких начальных ступеней ирригации в особых условиях дельты Аму-Дарьи, в древнем Хорезме.

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

76

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959

Б. А. ЛАТЫНИН, Т. Г. ОБОЛДУЕВА

ИСФАРИНСКИЕ КУРГАНЫ

(К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы)

Фергана представляется прежде всего как одна из тех цветущих областей Средней Азии, культура которых с давнего времени развивалась на основе поливного земледелия.

Еще в эпоху династии Старших Хань китайский путешественник Чжан Кянь, попавший в Та-Юань (Фергану) во II в. до н. э., описал ее уже как страну, где население ведет оседлый образ жизни и занимается земледелием. Там сеют рис и пшеницу, писал Чжан Кянь, возделывают траву му-су (люцерну) и виноград, из которого приготавливают вино. Семена люцерны и виноград впервые были завезены в Китай из Ферганы. В Та-Юани отмечается много сельских дворов-усадеб, а также малых и больших поселений, окруженных стенами. Некоторые из них поэтому Чжан Кянь, возможно, и считал даже «городами»¹.

Как область очень древнего поливного земледелия характеризуют Ферганскую долину и археологические памятники. Ее многочисленные селища, городища и так называемые тепе, холмы, иногда достигающие огромных размеров, скрывают развалины сырцовых построек. Археологическими исследованиями, особенно широко развернувшимися в Средней Азии в последние два-три десятилетия, установлено, что эти памятники относятся к той, несомненно оседлой, земледельческой культуре (или культурам) древней Ферганы, последовательное развитие которой можно проследить уже с конца II тысячелетия до н. э. (Чуст, Дальверзин и др.).

Совершенно особое место среди памятников древней земледельческой Ферганы занимают, казалось, курганные могильники, в большом количестве выявленные и исследовавшиеся в последние годы. Однако, наряду с некоторыми особенностями материальной культуры, отраженной в инвентаре вскрытых в них погребений, были очевидны самые тесные и постоянные связи тех групп скотоводческого, видимо, населения, которые оставили в предгорьях Ферганы и окружающих ее горах эти курганы, с оседлым земледельческим населением самой долины.

В этих условиях представлялось затруднительным определить место и значение курганных могильников среди других синхронных памятников древней Ферганы: оставалось не ясным, каковы, конкретно, были экономические отношения этих двух групп населения, была ли это единая народность или различные, хотя и как-то связанные друг с другом племена.

Вместе с тем постановка и возможное при современном состоянии источников решение (хотя бы предварительное) этих вопросов были необходимы и, видимо, могли дать новые материалы для более углубленного

¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 149.

понимания системы хозяйства не только одной Ферганской долины, но и некоторых других областей Средней Азии.

Разведочные раскопки одного из первых таких курганных могильников — Исфаринского — произведены Ферганской экспедицией ГАИМК и Государственного Эрмитажа в 1934 г. Ниже, при описании вскрытого тогда кургана и двух других, раскопанных в 1936 г., приводятся некоторые заключения и выводы и по указанным общим вопросам, которые представляется возможным наметить сейчас на основе изучения не только этого могильника, но и других, подобных ему курганных могильников древней Ферганы.

Близ г. Исфары (ТаджССР) находится несколько могильников, известных местному населению под названием «гор-и-муг» (могилы мугов, магов). В 1934 г. обследовано три могильника на левом берегу р. Исфары: два близ берега, к югу от города, с погребениями в кувшинных оссуариях и грунтовых могилах, третий — курганный — на возвышенностях, к юго-западу от него². Этот могильник, находящийся менее чем в 1 км к ЗЮЗ от городской больницы, на отроге пустынных галечных предгорий (адыров), окаймляющих оазис, состоит из 60—70 курганов, разбросанных на площади 100 × 300 м, вдоль вершины отрога, вытянутого с юга на север. Округлые насыпи курганов, высотой 0,5—1,5 м, при диаметре от 5—7 до 10—12 м, сложены из гальки с песком.

Разведочными раскопками 1934 г. вскрыта курганная насыпь в центральной части могильника.

Курган № 1³. Высота 0,85 м, диаметр 10 м.

Насыпь из гальки, смешанной с желтоватым суглинком, раскопана четырьмя секторами и снята полностью. Могильного пятна в галечном грунте на уровне горизонта и при последующем углублении раскопом 3 × 3 м не прослежено, но в центральной части раскопа грунт был более рыхлым, со значительным количеством крупных валунов. На глубине 1,5 м, вдоль западной стенки раскопа обнаружена неглубокая ниша-подбой, размерами 2,42 × 0,45 × 0,68 м, выкопанная в галечном конгломерате и заваленная сбоку валунами. Валуны и галька частично заполняли и нишу. В ней находился костяк (видимо, женский), лежавший вытянуто, на спине, головой на юг (рис. 5). Руки вдоль тела, правая нога положена на голень левой. Кости сильно повреждены камнями и разрушены пропитавшими их солями. При расчистке хорошо прослеживались остатки камышевой плетенки, прикрывавшей костяк сверху и положенной под ним.

В северном конце ниши, в ногах скелета, стояли пять сосудов — два грушевидных, красноглиняных, средних размеров (рис. 6—4, 5), два маленьких горшочка, покрытых черным красочным ангобом (рис. 6—1, 3), и небольшая толстостенная, с красным ангобом и прочерченным по нему орнаментом чаша (кубок) на высокой полой подставке (рис. 6—2). Внутри чаши найден деревянный, слегка вытянутый шарик со сквозным треугольным отверстием, похожий на крупное пряслице. Возле сосудов лежал маленький каменный точильный брусок с отбитым ушком (сверлиной).

За головой костяка, в южном конце ниши находился плоский песчаниковый камень, частично налегая на который стояли две низкие овально-вытянутые деревянные подставки («столики») на трех ножках, покрытые сверху перевернутой вверх дном плоской деревянной чашкой (рис. 7—1, 2). У черепа лежали кости барана, возле локтя правой руки сильно окисленный железный нож.

² На составленной в 1952 г. Б. А. Литвинским археологической карте Исфаринской долины они отмечены, как могильники 27, 28 и 29. (Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Труды ИИАЭ АН ТаджССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955, стр. 148 и карта, рис. 71).

³ Раскопки проведены А. П. Манцевич.

Рис. 5. Исфаринские курганы. Погребение в кургане № 1.

Рис. 6. Сосуды из Исфаринского кургана № 1.

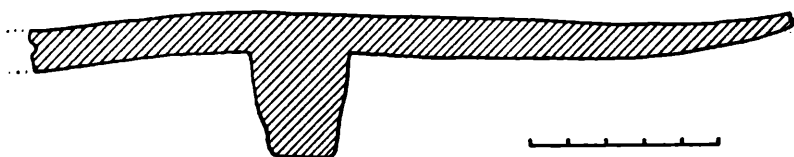
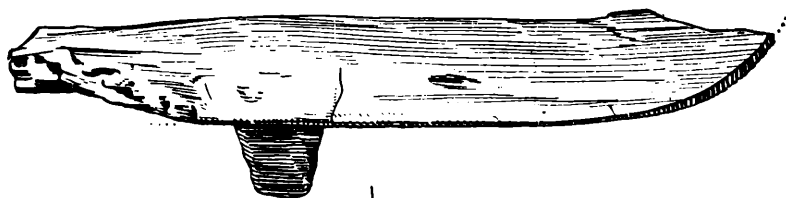
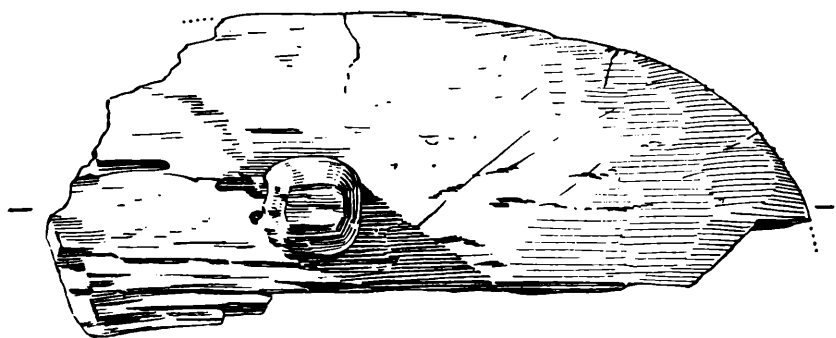
В 1936 г. Т. Г. Оболдуевой (экспедиция Краеведческого музея Северного Таджикистана) были раскопаны еще два кургана у северного края того же могильника.

Курган № 2⁴. Высота 0,5 м, диаметр 7 м.

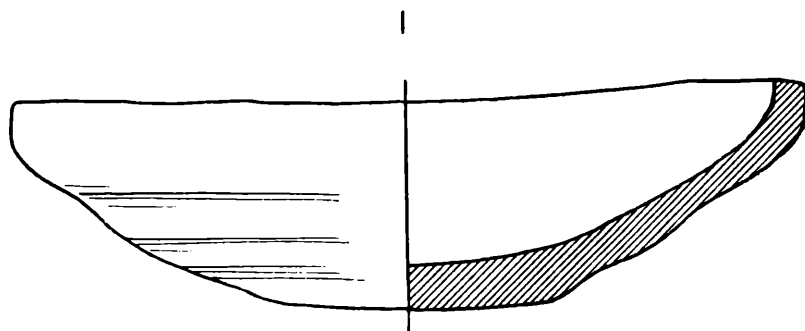
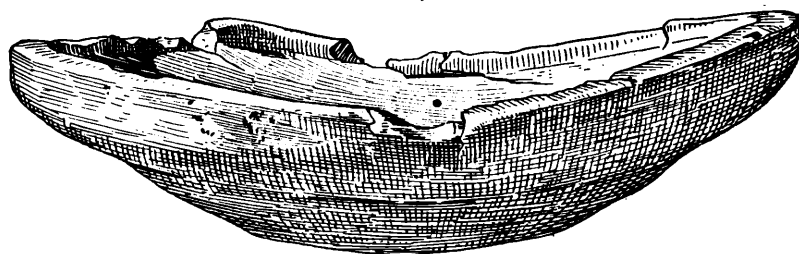
После снятия насыпи в центре ее заложен раскоп 3×3 м. Грунт каменистый, сильно пропитанный солями, образующими местами большие скопления. Глубже галька сцементировалась и с трудом поддавалась кирке, но при высыхании легко осыпалась.

На глубине 0,9 м от современной поверхности (подошвы кургана) определены очертания могильной ямы, заваленной крупными валунами, на которых лежала волокнистая прослойка (кора?) красновато-бурого цвета, рассыпающаяся при прикосновении. Яма в форме неправильного овала, длиной 1,95 м, шириной 0,85 м, вытянута с СЗ на ЮВ. Вдоль нижней части западной стенки ямы был обнаружен подбой, дно которого

⁴ Продолжена нумерация раскопок 1934 г.

1

2

Рис. 7. Деревянные «столлик» (1) и чаша (2) из кургана № 1.

несколько ниже дна ямы. Вход в него закрыт валунами, частично завалившимися внутрь подбоя, а у самого входа — несколько очень крупных камней.

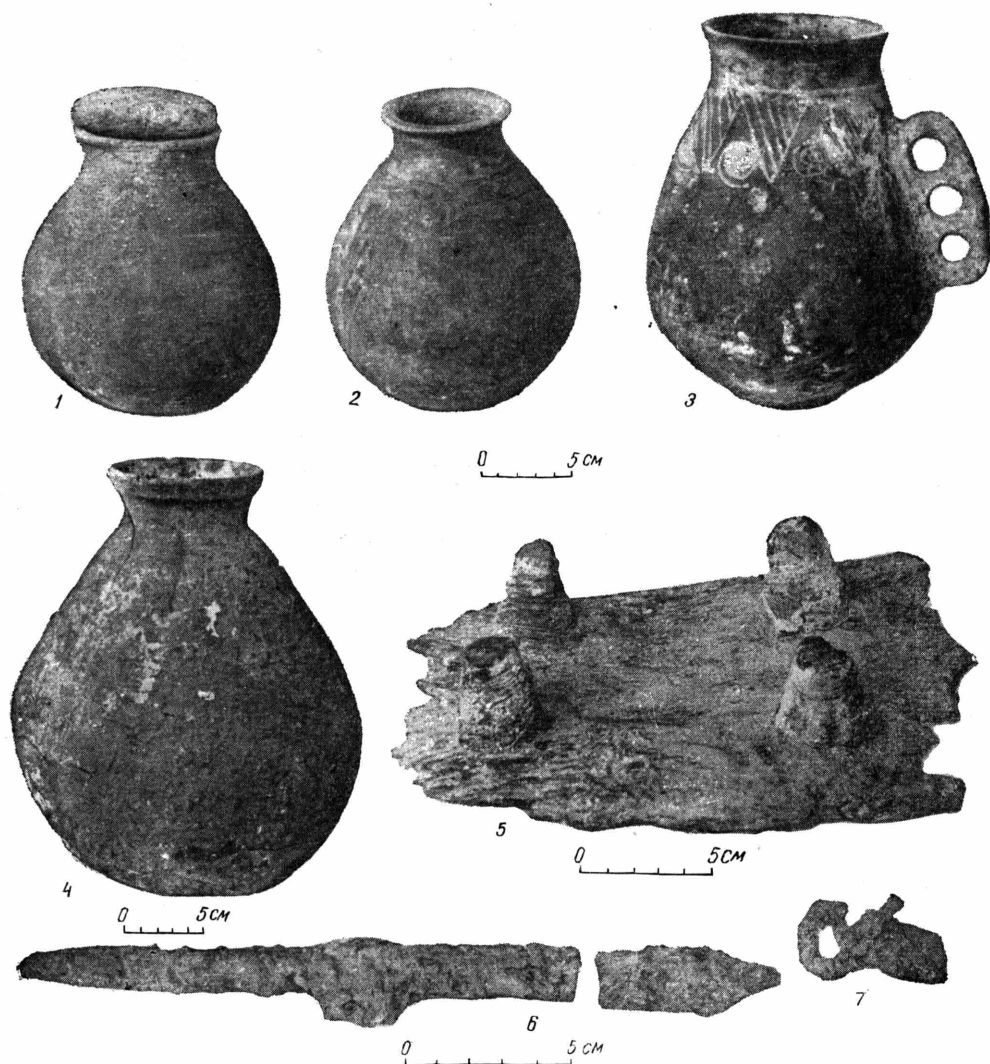

Рис. 8. Находки из Исфаринских курганов.

1, 2 — сосуды из кургана № 3; 3, 4 — сосуды из кургана № 2; 5 — «столки» деревянный; 6 — железный нож; 7 — железная пряжка (5—7 — из кургана № 3).

На дне подбоя, на глубине 1,45 м от поверхности, лежал на спине скелет (видимо, мужской), с вытянутыми и прижатыми к бокам руками. Ноги вытянуты и выше щиколоток перекрещены, голова обращена на ЮВ. Кости хрупкие, очень плохой сохранности; плечо и череп полураздавлены завалившимися камнями.

За черепом справа лежал глиняный сосуд (высотой около 25 см) в форме кувшина без ручки, со слегка уплощенным дном и нешироким горлом (рис. 8 — 4). Глиняная масса желтовато-красная, с белыми известковыми вкраплениями. Сосуд первоначально, по-видимому, стоял и был прикрыт плоской галькой, лежавшей рядом.

У колена слева находился второй такого же размера красноглиняный кувшин с широким горлом, небольшим поддоном и ручкой, имеющей три круглых отверстия для пальцев (рис. 8—3). Сосуд покрыт темно-красным ангобом. На плечиках прочерчен по сырой глине орнамент в виде небольших косо заштрихованных треугольников, свисающих вершинами вниз, отдельных завитков спирали между ними и вертикальных зигзагообразных линий. Сосуд был полузакрит плоской галькой.

К у р г а н № 3. Высота 0,4 м, диаметр 6 м.

После снятия насыпи также заложен раскоп 3×3 м. До глубины 0,4 м от подошвы грунт состоял из песка с небольшим количеством камней (курган находился в небольшой ложбине), но дальше оказался таким же, как в кургане № 2. На этой глубине выявились очертания могильной ямы, расположенной под центром насыпи. Стенки ее были покрыты коркой

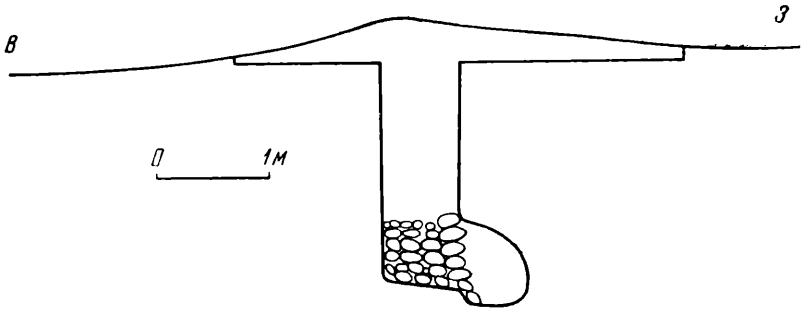

Рис. 9. Разрез кургана № 3.

солей, а сравнительно рыхлое заполнение позволяло хорошо определить границы ямы, имевшей форму неправильного овала ($2,25 \times 0,70$ м), вытянутого почти точно с севера на юг. На глубине 2 м вдоль всей западной стенки сделан подбой, дно которого на 0,15 м ниже покатога к входу в него дна дромоса. Могила (подбой) ориентирована с некоторым отклонением от оси дромоса к ЮЮВ. Длина ее 2,3 м, ширина 0,6 м, наибольшая высота свода 0,65 м. Вдоль восточного края камеры (у входа) лежали крупные валуны, которыми на 0,6—0,7 м в высоту (до глубины 1,35 м) была заложена и вся нижняя часть дромоса, оставляя камеру подбоя свободной (рис. 9). Внизу положены более крупные камни, сверху плоские и мелкие. Подстилки поверх каменной закладки не обнаружено.

Скелет (очень плохой сохранности) лежал головой к югу, на спине, лицом вправо, руки вытянуты вдоль тела, ноги прямо. Так как на дне подбоя остались большие выступающие камни, то кости ног оказались сломанными, а позвоночник сильно искривлен. Подстилки нет.

В ногах стоял небольшой кувшин желтой глины, широкогорлый, без ручки, с уплощенным дном, прикрытый плоской галькой (рис. 8—1).

У бедра слева, поверх руки, лежал прямой железный нож (длиною 23 см) с остатками кожаного (?) чехла и следами деревянной ручки (рис. 8—6). Здесь же найдена часть железной круглой пряжки с язычком, вероятно, служившей для прикрепления ножа к поясу (рис. 8—7), и небольшой железный стерженек.

У головы слева — еще небольшой кувшин без ручки и с нешироким горлом, покрытый красным матовым ангобом (рис. 8—2).

За головой, у самой стенки могильной камеры, обнаружен деревянный «столлик» в виде довольно тонкой овальной дощечки длиной 30 см, гладкой с одной стороны и с четырьмя невысокими столбиками-ножками — с другой (рис. 8—5). Кроме того, у головы обнаружен маленький плоский треугольный камешек.

Положение скелета (курган № 2) — с тесно прижатыми к телу руками и со скрещенными ногами (см. также курган № 1) — позволяет предполагать, что тело умершего при погребении было связано⁵.

В последующие годы в Фергане и прилегающих к ней горных районах обнаружены и раскапывались несколько курганных могильников, аналогичных Исфаринскому. А. Н. Бернштам исследовал такие курганы у Боркорбаза⁶, Джангаила, Гурмирона и другие, Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский в Варухе⁷, Ю. Д. Баруздин у Кара-Булака⁸. Кроме многих общих черт в устройстве могилы и обряде погребения, эти могильники объединяет и сходство инвентаря, в особенности керамики⁹. Довольно близкие аналогии, главным образом в обряде погребения в подбоях, они находят также и в других районах Средней Азии — на Алае, Тянь-Шане (Кырчин, Аламышик, Мааша, Кургак)¹⁰, в Бухарском оазисе (Кую-Мазар)¹¹. Неоднократно отмечались их связи и с более широким кругом памятников племен сарматских кочевников первых веков н. э., что может иметь большое значение для установления роли в общей системе хозяйства древней Ферганы тех групп кочевого, видимо, ее населения, которые оставили эти курганы¹².

Еще при раскопках Исфаринского могильника стала очевидной чрезвычайная близость обнаруженных в нем сосудов с керамическим комплексом, характерным для памятников оседло-земледельческой культуры Ферганской долины периода Ф. II (III в. до н. э. — IV в. н. э.).¹³ Находка железного трехперого черешкового наконечника стрелы так называемого сарматского типа, при продолженных в 1934 г. раскопках небольшого тепе у Кугая, где вместе с этим наконечником была обнаружена красноангобированная с прочерченным орнаментом и других типов керамика, относящаяся к периоду Ф. II¹⁴, позволила уточнить датировку позднего этапа этого периода (Ф II/3) II—IV вв. н. э. Таким образом, присутствие такой керамики в погребениях Исфаринского могильника дало возможность датировать их рубежом — первыми веками н. э. Эта дата была подтверждена изучением и других аналогичных курганных могильников Ферганы.

⁵ Е. П. Алексеева указывает на находку остатков ремня на перекрещенных голенях в сарматском погребении Зап. Казахстана. Она отмечает, что перекрещенные голени характерны для сарматских погребений в ряде районов. (Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 77 и примеч. 3).

⁶ С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 131—147.

⁷ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 22—70.

⁸ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. Труды Института истории АН КиргССР, вып. II, Фрунзе, 1956.

⁹ См., например, Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 25, рис. 3; стр. 26, рис. 4; стр. 37, рис. 18, 2—4; стр. 39, рис. 19, 1; стр. 40, рис. 20, 5—8; стр. 45.

¹⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 68, рис. 34 и 35; стр. 193 и рис. 76, 4; стр. 202—203 и рис. 84.

¹¹ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 207, рис. 1.

¹² Об общей постановке вопроса, этнической принадлежности и датировке ферганских и аналогичных им среднеазиатских курганных могильников см. С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954; его же. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения, как памятники местной культуры. СА, XXXVI, 1956; его же. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 3—14; Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 69—70.

¹³ Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 17 — таблица схемы археологической периодизации; его же. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИЭ, вып. XXVI, 1957.

¹⁴ Б. А. Латынин. Работы в районе электростанции на р. Нарын в Фергане. Известия ГАИМК, вып. 110, Л., 1935, стр. 132—134 и рис. 109, 110, 113—115.

Керамика Исфаринских курганов указывает на некоторые связи и с Чирчик-Ангренским оазисом, о чем свидетельствует найденный в кургане № 2 сосуд с ручкой, напоминающей схематическую фигурку животного. Фигурки эти характерны, как известно, для этапа II каунчинской культуры, синхронного периоду Ф II Ферганы¹⁵. Деревянные «столики» из курганов № 1 и № 2 аналогичны «столику» из Кенкольского могильника. С. С. Сорокин на основе анализа железных черешковых стрел (подобных стреле, найденной и в тепе у Кугая) отнес могильник ко II—IV вв. н. э.¹⁶

Вопрос о курганных могильниках предгорий и горных долин Ферганы существенно важен для изучения экономики и истории ее ранних периодов. Эти памятники несомненно близки и родственны по своему типу некоторым курганам того же, примерно, времени, оставленным в степях племенами кочевников.

Как уже говорилось выше, керамика Исфаринских и других подобных курганов свидетельствует о постоянных связях оставившего их населения с оседло-земледельческим населением Ферганы периода около рубежа н. э. Однако, при всей близости типологических признаков, можно проследить и известную разницу в этих двух группах керамики. Она, пожалуй, яснее всего сказывается в отборе форм сосудов, встречаемых в курганах. Но если отсутствие в них обычных для оседлых поселений Ферганы больших и средних размеров хумов (сосудов для хранения запасов) могло быть обусловлено их размерами и особым назначением, то отсутствие (или чрезвычайная редкость) в курганных погребениях красноангобированных чаш и сосудов некоторых других форм, очевидно, определялось иными причинами. Тем более, что сосуды этих форм встречаются в большом количестве не только в развалинах одновременных поселений, но и в бескурганных могильниках оседлого населения (Коштепинском на Большом Ферганском канале, Ширинсайском и др.). Такой отбор населением, оставившим курганные могильники, из общего с жителями оседлоземледельческих поселений комплекса керамики лишь некоторых сосудов определенных (закрытых) форм не случаен. Его, вероятно, следует рассматривать как отражение особенностей хозяйственного и бытового укладов.

При постановке вопроса о курганных могильниках Ферганы нельзя не обратить внимания и на то, что их объединяют не только общность обряда погребения и инвентаря, но и природные условия их расположения — могильники эти находятся или в предгорьях, у выхода узких горных долин сбегających на равнину речек, т. е. в зоне современных зимовок скота при отгонном его содержании, или в самих долинах, служащих естественными путями к летним высокогорным пастбищам. Известны они и в зоне этих горных пастбищ, например на Алае.

Все эти черты, столь характерные для ферганских курганных могильников, отражают несомненно доминирующее значение определенных форм скотоводства в хозяйстве оставившего их населения и близость этого населения с племенами кочевников. Эти памятники дают основания предполагать существование в древней Фергане, наряду с оседлым поливным земледелием, определявшим основной профиль хозяйства, развитого скотоводства. И притом скотоводства не только придомного, с посевами люцерны для стойлового содержания домашних животных (как об этом свидетель-

¹⁵ Из могилы в катакомбе близ Ташкента известна кружка поаднекаунчинского типа с подобной же (но с двойным, а не тройным кольцом) ручкой. Сборы И. А. Анбоева на могильнике «Никифоровские земли». Хранится в Археологическом кабинете САГУ.

¹⁶ С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника (КСИИМК, вып. 64). Для несколько более раннего времени их, видимо, можно сопоставить со столиками-подставками из курганов ранних кочевников Алтая, найденными в Пазырыке и Бошадаре и, возможно, с каменными «столиками» сарматских погребений.

ствуют китайские источники), но и в отгонных его формах, с летним выпасом стад на горных пастбищах (яйлоу) и зимовками в предгорьях¹⁷.

Сосуществуя, два уклада хозяйства — оседлое поливное земледелие в долине и отгонное на горные пастбища скотоводство, — очевидно, были тесно связаны и дополняли друг друга.

Если аналогии эйлатанской и актамской керамики с керамическими материалами из некоторых алайских курганных погребений и селищ (могильник Шарт I и II и селище у Дараут-Кургана) точны¹⁸, то такое отгонное скотоводство существовало в Фергане по крайней мере уже с середины I тысячелетия до н. э. (период Ф I/2). Близость (тождество) керамики земледельческих поселений Ферганской долины периода Ф II и сосудов из таких курганных могильников, как Исфаринский, Боркорбаз и др., свидетельствует о том, что оба уклада хозяйства продолжали сосуществовать (и, вероятно, были связаны еще тесней) и в эпоху последних веков до н. э. — первых веков н. э., так же как оба они удерживались и дополняли один другой в Фергане и в позднейшее время¹⁹.

Интересные материалы по сочетанию оседлого поливного земледелия в Ферганской долине с отгонным скотоводством, позволяющие яснее представить вероятные формы такого сосуществования их и в древности, дает этнография. Как в дехканских и в особенности в крупных байских хозяйствах дореволюционного времени, так и в колхозах современной Ферганы на стойловом содержании находится лишь небольшое число домашних животных, используемых главным образом как тяговая сила. Остальной скот — большие табуны лошадей, стада коров и овец — летом перегоняется на горные пастбища, а осенью возвращается на зимовку в предгорья и на неорошаемые участки предгорной степи. Пути для перегона служат долины горных речек, сбегających в Фергану с окружающих ее гор. Сопровождают стада на яйлоу и во время зимовки в предгорьях не владельцы стад — оседлые жители долины, а особые пастихи из ближних предгорных и расположенных в горных долинах не земледельческих кишлаков (обычно киргизских). Стада колхоза, такого, например, большого, исконно земледельческого таджикского кишлака, как Кыस्ताкоз (Чкаловск) Ленинадской обл., сопровождают нанимаемые ранее для этого жители соседних предгорных киргизских и узбекских селений Лайлак, Маргум и др., с укрупнением колхоза вошедшие в него как особая животноводческая бригада²⁰.

Как бы не решался вопрос об этнической принадлежности групп эйлажных скотоводов древней Ферганы, оставших в ее предгорьях и окружающих горах курганы с подбойными (обычно) погребениями, и осед-

¹⁷ Для коневодства, впрочем, указания на это есть, видимо, в тех же китайских хрониках, когда в них дается рациональное объяснение происхождению знаменитых «потокровных» ферганских лошадей от пригоняемых в горы кобылиц и чудесных «небесных» коней-производителей. Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 149, прим. 6.

¹⁸ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 200 и рис. 83, стр. 193, след. и рис. 79. Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат кандидатской диссертации, стр. 8.

¹⁹ В некоторых случаях в курганных погребениях Ферганы была встречена и более поздняя, изготовленная на ножном гончарном круге керамика (характерная для оседло-земледельческих поселений периода Ф III), датируемая V—VIII вв. н. э. См., например, Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Указ. соч., рис. 12, сосуд из Чорку. Станковые красноангобированные сосуды периода Ф III, иногда с типичной для этого времени волнистой орнаментальной полосой у основания горла, обнаружены в некоторых курганных погребениях у Таш-Кургана при раскопках, проводившихся сотрудниками Ферганского и Андижанского краеведческих музеев Н. Г. Горбуновой, В. И. Козенковой и Б. З. Гамбургом в 1956 г.

²⁰ Сб. «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства». См. Н. Н. Ершов, гл. II, разд. «Животноводство». Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XXIV, М.—Л., 1954, стр. 90—101.

лого земледельческого населения долины²¹, их культурные и, вероятно, общественно-политические связи, так же как и тесная связь двух дополнявших друг друга укладов хозяйства, представляются несомненными.

Такое соотношение их делает, видимо, необходимым несколько изменить существовавшие представления о том, что история Средней Азии на протяжении веков сводилась, в основном, к борьбе оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов. На примере анализа конкретных археологических материалов древней Ферганы можно проследить иное. Они подтверждают, что в развитии производительных сил общества одной из ведущих особенностей для Средней Азии являлась не борьба, а сосуществование взаимосвязанных и дополнявших друг друга укладов: оседлоземледельческого в орошаемых оазисах и скотоводческого, кочевого в прилегающих к ним степях, или отгонного (на яйлоу) в предгорных районах²².

Сосуществование и тесные экономические связи этих, в отдельности неизбежно узко специализированных, типов хозяйства приводили к тому, что они дополняли друг друга, образуя не два антагонистических полюса, а две взаимозависимые части единого целого. Необходимость установления и поддержания взаимных экономических связей в значительной мере обуславливалась в предгорных районах и самими природными условиями расположения сезонных пастбищ: летних — на высокогорных лугах, зимних — в долинах и предгорьях, т. е. в зоне, благоприятной и для орошаемого земледелия. При мирном сосуществовании этих двух укладов хозяйства создавались благоприятные возможности наиболее целесообразного и продуктивного использования и тех и других пастбищ в общих интересах.

При отсутствии или нарушении этого экономического равновесия неизбежно возникали трудности, губительно сказывавшиеся как на оседло-земледельческом, так и на кочевом скотоводческом (в тех или иных его формах) хозяйствах. Возникали столкновения из-за пастбищ и та борьба и войны, которые иногда приводили к разорению земледельческих оазисов кочевниками, обращавшими их в зимние выпасы для своих стад. Но, тем самым лишив себя необходимых продуктов и изделий, которые могло дать только оседлое земледельческое население оазисов и сосредоточенных в них городов, кочевники были вынуждены вскоре сами же заботиться о восстановлении ирригационных сооружений, охране полей от погрома скотом, о возобновлении ремесел и торговли и т. п.

Такие столкновения и войны в истории Средней Азии повторялись неоднократно и неизменно вели к периодам временного упадка экономической и культурной жизни. Но возникали они не потому, что борьба кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев была чем-то неизбежным и являлась естественным для них состоянием. Не потому наступали и последующие периоды упадка, что политическое господство захватывали менее культурные племена кочевников. Основной причиной этих явлений было нарушение экономического единства и взаимно необходимых связей той двухчастной системы, которая только и могла создавать благоприятные условия для развития и земледельческого и скотоводческого укладов хозяйства.

---

²¹ Очень интересное и смелое решение его предлагается сейчас С. С. Сорокиным. См. автореферат его кандидатской диссертации «Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы». Л., 1958.

²² Мнение о двусторонности хозяйственного процесса у древних народов Средней Азии высказывалось и С. П. Толстовым (см. его доклад «Варварские племена на периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным», на совещании по археологии и этнографии Средней Азии и Казахстана в 1956 г. в Сталинабаде). О взаимозависимости и сосуществовании этих двух укладов в другой связи говорил А. Н. Бернштам. (Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 111). Более определенно эту мысль выразил М. М. Дьяконов (там же, стр. 500).